

УДК 821.112.2-312
ББК 82

Е.В. Соколова

**ОТ ПАРАДИГМЫ
ИСКЛЮЧЕНИЯ
«ИЛИ / ИЛИ»
К ПАРАДИГМЕ
РАСШИРЕНИЯ
СОЗНАНИЯ «И ТО, И ЭТО»:
«РУССКИЙ – ТОТ, КТО
ЛЮБИТ БЕРЕЗЫ»
ОЛЬГИ ГРЯЗНОВОЙ**

В статье выявляется важная тенденция последнего времени, отмечаемая исследователями внутри «транснациональной» литературы немецкоязычного пространства. На примере дебютного романа немецкоязычной писательницы русского происхождения О. Грязновой (р. 1984) «Русский – тот, кто любит березы» (2012) иллюстрируется переход к «новому мироощущению» (прежде всего, в сфере национальной и культурной самоидентификации), ориентированному на расширение «своего» посредством безусловного включения «другого» («и то, и это») и идущему на смену доминировавшей прежде в этом секторе немецкоязычной литературы парадигме исключения («или/или»).

Ключевые слова: *современная литература Германии, транснационализм в немецкоязычной литературе, творчество писателей-мигрантов, образ русского в современной немецкой литературе, Ольга Грязнова.*
DOI 10.23683/1995-0640-2018-2-12-21

Соколова Елизавета Всеволодовна – канд. филол. наук, старший науч. сотрудник Отдела литературоведения Института научной информации по общественным наукам РАН
Тел: +7-903-625-81-35
E-mail: lizak2000@mail.ru

© Соколова Е.В., 2018.

В дебютном романе-«взломе» О. Грязновой «Русский – тот, кто любит березы» [Grjasnowa, 2012] исследователи (А. Бьендарра, П. Шедикова Чухова) отмечают переход к «новому мироощущению», выросшему внутри современной «транснациональной» литературы немецкоязычного пространства [Biendarra, 2015; Šediková Čuhová, 2016].

Термин «транснационализм» [Vertovec, 2009; Taberner, 2011], изначально относился почти исключительно к феноменам экономической глобализации, однако в последние 20 лет претерпел существенные смысловые изменения, постепенно переместившись в сферу гуманитарных наук – в области международных отношений, гендерных исследований, культурологии. По С. Вертову [Vertovec, 2009], «транснационализм» выражает те напряжения, которыми чреват процесс глобализации для национального государства и его жителей. В последнее время этот термин прочно обосновался в западном литературоведении [Jay, 2010; Transnationalism, 2015].

Поначалу под транснациональной литературой понимались литературные тексты, чьи персонажи, сюжетные ходы и мотивы пересекают национальные границы, переводят феномены одних культур на языки других, тем самым усложняя национальную палитру современного мира. В странах немецкого языка литература «транснациональной направленности» [Jay, 2010] в первое десятилетие XXI в. заняла на книжном рынке «выдающееся» положение [Biendarra, 2015, p. 209], в первую

очередь благодаря множеству авторов-мигрантов, – пишущих на немецком языке представителей национальных меньшинств, для которых немецкий язык не родной. «Каноническое» определение мигрантской литературы, которым руководствуется, в частности, жюри премии Адальберта фон Шамиссо, вручаемой в этой области, связано с языком: такая литература создается на немецком языке авторами, чей родной язык – не немецкий [Kämmerlings, 2011, S. 176]. Именно писатели-мигранты попали в фокус литературоведения в контексте первых транснациональных исследований на рубеже тысячелетий.

Однако, как показал в последние годы С. Табернер [Taberner, 2011; 2015] и некоторые другие исследователи [Gerstenberger, 2015], писатели этнически немецкого происхождения, не принадлежащие ни к каким меньшинствам, также создают литературу, естественным образом вписывающуюся в транснациональный литературно-критический дискурс, – что сообщает последнему универсальность, которой он не знал прежде.

В дополнение к «идеальному» транснационализму С. Табернара [Taberner, 2011, p. 634], выражающемуся в способности протагонистов «с легкостью передвигаться внутри множественности культур» [Ibid., p. 633], исследователи выделяют также «реалистические» его модификации. Так, К. Герстенбергер исследует возможности «критического» транснационализма [Gerstenberger, 2015, p. 94], ориентированного на выявление границ и слабых мест современного мобильного и перенасыщенного информацией стиля жизни, к которому чаще всего стремятся литературные персонажи «транснациональной литературы», а доцента Калифорнийского университета А. Бьендarrу интересует прежде всего «живой транснационализм» [Biendarra, 2015, p. 210] как феномен повседневности в автобиографически ориентированных русско-немецких литературных текстах реалистической направленности.

«Русская тема» вписана в широкий «транскультурный» контекст немецкоязычной литературы как один из феноменов внутригерманской «мигрантской» культуры. Начиная с конца 1990-х гг., «русский сектор» на этом поле весьма заметен и включает выходцев из России и бывших республик СССР, среди которых есть очень известные и успешные ныне немецкоязычные писатели (Наталья Водин, Владимир Каминер, Владимир Вертлиб). В последние годы исследователи называют также ряд новых авторов «русского литературного сектора» немецкоязычной литературы: Лену Горелик (р. 1981, Ленинград), Алину Бронски (р. 1978, Екатеринбург), Марьяну Гапоненко (р. 1981, Одесса), Элеонору Гуммель (р. 1970, Целиноград), Ольгу Мартынову (р. 1962, Красноярск), Катю Петровскую (р. 1970, Киев), Юлию Рабинович (р. 1970, Ленинград), Неллю Веремей (р. 1963, Ленинград), а также Ольгу Грязнову (р. 1984, Баку). Большинство их дебютных произведений повествуют о приезде в Германию, они в значительной степени автобиографичны, а одной из главных тем остается опыт эмиграции. В них иллюстрируются частные истории существования в недружелюбной нередко культуре незнакомого языка, а также способы осмысления опыта жизни в исход-

ной (русскоязычной) культуре. Опыт прошлого для протагонистов нередко связан с дискриминацией (многие из названных авторов приехали в Германию как «русские евреи») и национальными конфликтами.

А. Бьендарра обращает внимание, что многие из таких «текстов прибытия» («*arrival narratives*» [Biendarra, 2015, p. 212]) строятся вокруг демонстрации различий русской и немецкой культур, и выделяет две принципиально различающиеся авторские позиции.

Первая позиция представлена многочисленными литературными текстами, в которых «германский культурный мейнстрим» в тех или иных ракурсах противопоставлен «русскому культурному меньшинству», а для характеристики обоих культурных полюсов этой культурной дихотомии активно используются культурные стереотипы. В такой ситуации протагонист выстраивает собственную культурную идентичность, исходя из противопоставления двух культур, и может либо принимать сознательные усилия по интеграции в «культурный мейнстрим» германского общества – «с энтузиазмом» (Л. Горелик, «Мои белые ночи» [Gorelik, 2004]) или же «вынужденно» (А. Бронски, «Парк осколков» [Bronsky, 2008]), либо, иронически дистанцируясь, прийти к смягчению культурных дихотомий (В. Каминер – творчество в целом) [Biendarra, 2015, p. 211]. Эта позиция пока явственно доминирует в «транснациональной литературе» немецкоязычного пространства.

Вторую позицию, по мнению А. Бьендарры, представляет дебютный роман Ольги Грязновой (р. 1984) «Русский – тот, кто любит березы» («*Der Russe ist einer, der Birken liebt*», 2012 [Grjasnowa, 2012]), где отсутствует противопоставление «немецкого культурного мейнстрима» русской или какой-либо другой иноязычной культуре. Главная героиня романа Маша Коган предпринимает лишь некоторые шаги в сторону интеграции, быстро от этого отказывается, но и не возвращается ни к одной из культур, с которыми связано ее прошлое. Напротив, как показывают некоторые ее поступки во второй половине романа, Маша живет, будто в едином «транскультурном пространстве», не признавая существующих национальных, культурных и гендерных границ, что в конце, вероятно, стоит ей жизни (финал романа открыт: не ясно, остается Маша жива или погибает).

По мнению исследователей, персонаж Маши Коган демонстрирует «космополитические притязания» (Venkat Mani, 2007) и идентичность, которая «сопротивляется» основанному на оппозициях определению [Biendarra, 2015, p. 211]. Частная история перемены культуры и личной травмы комбинируется в романе с повествованием о войне и этнических конфликтах в Баку и Израиле на фоне глобальной дестабилизации представлений о сексуальной и национальной идентичности.

Ольга Грязнова, немецкоязычная писательница русско-еврейского происхождения с опытом иммиграции, принадлежит к тем писателям, кто, открещиваясь от ярлыка «писателей-мигрантов», причисляет себя к «безрадостной постмиграции» и ощущает «полноправными представителями немецкой (австрийской, швейцарской) литератур». В проти-

воположность другим писателям инокультурного происхождения – тем, кто видит ценность именно в «пребывании между» культурами и настаивает на собственном «промежуточном» культурном статусе [Šedíková Čuhová, 2016, S. 39 – 40].

Через нескольких ярких персонажей в романе О. Грязновой выражена позиция активного сопротивления как ностальгии по прошлому, так и какой бы то ни было национальной идентификации с опорой на фиксированную территорию и традиционную культуру. В наибольшей степени это характерно для рассказчицы, Маши Коган, национальная и культурная принадлежность которой едва ли поддаются определению.

В школьном возрасте Маша приехала с родителями в Германию на ПМЖ из Баку – после армяно-азербайджанского конфликта 1990-х гг. По материнской линии она имеет армянские (дед) и еврейские корни: ее бабушка только по счастливой случайности избежала смерти в немецком концлагере. Отец, по национальности русский, – бывший военный инженер, занимавший ответственные посты в одном из министерств Азербайджанской ССР, – в Германии так и не нашел себе применения (*«Германия моему отцу была совершенно без надобности... Он не сходил с людьми, почти не выходил из дома, разве что иногда – чтобы сравнить цены на бензин на разных заправках»* [Grjasnowa, 2012, S. 53]). Мать – концертировавшая советская пианистка – преподает здесь исполнительское искусство немцам, не уставая отмечать раздражающие ее различия между культурами.

К моменту начала повествования Маша выбрала дело жизни – профессию переводчика. Она владеет пятью языками, постоянно повышает квалификацию и нацелена на карьеру в ООН. Однако радужная картина будущего резко искажается после внезапной нелепой смерти ее возлюбленного Элиаса (этнического немца) – в результате осложнений от перелома ноги.

Травма утраты возлюбленного становится для Маши своеобразным триггером – в ее подсознании вскрываются глубинные пласты, связанные с опытом прошлого; травматические переживания детства актуализируются вновь и затягивают ее в глубокую депрессию. В поисках спасения (и утраченных корней) она отправляется в Израиль, получив там место переводчика. Однако реальность перманентного палестино-израильского конфликта усиливает ее фиксацию на собственном травматическом опыте, связанном с бегством из Баку во время азербайджано-армянского военного конфликта и потерей любимого. Совершив ряд рискованных действий, наглядно свидетельствующих о том, что сама она отказывается воспринимать мир разделенным национальными, культурными и гендерными границами, в финальной сцене Маша находится в отчаянном положении. Одна в пустыне на арабских территориях она истекает кровью, и надеяться ей остается только на то, что в «глобализированном мире» ее друзья из Германии (как и она, в значительной сте-

пени свободные от национальных и гендерных стереотипов), – которые по ее звонку уже вылетают к ней, – успеют ее найти...

Одним из центральных в романе остается вопрос, как прошлое сказки влияет на ее поведение, реакции, выборы – порой вызывающе рискованные, – в настоящем. Однако влияние это, которое, очевидно, существует, ускользает от понимания – вплоть до конца романа. Травма; самоидентификация в отрыве от территории и культуры; космополитизм (в какой-то степени вынужденный, считает А. Бьендарра) – таков круг основных проблем романа [Biendarra, 2015, p. 218]. П. Шедикова Чухова выделяет в этом тексте также проблему одиночества [Šediková Čuhová, 2016, S. 41 – 43], которая особенно интересует чешскую исследовательницу корреляциями как с феноменами территориальной и культурной миграции, так и с профессией переводчика.

Одиночество может переживаться как «позитивно», так и «негативно». «Позитивное» одиночество ограничено во времени и связано с осознанными стремлениями индивидуума (аскеза, художественное творчество). «Негативное» – по-разному интерпретируется разными науками о человеке и бывает эмоциональным, социальным, патологическим или экзистенциальным, первичным или вторичным [Eberhard, 1991]. Наиболее распространенным остается эмоциональное одиночество, которое проявляется в отношениях субъекта с партнером, семьей, друзьями, обществом. В его основе – нарушения коммуникации; они же, как правило, выступают триггерами обусловленных одиночеством патологических психических процессов. Такое одиночество часто проявляется «чувством безнадежности, подавленности, сопротивления. Поведенческие корреляты варьируются от пассивности или судорожной активности, ориентированной на потребление, до активного времяпрепровождения наедине с собой» [Eberhard, 1991, S. 156]. Почти все названные поведенческие особенности свойственны персонажу О. Грязновой.

Пара «одиночество» и «миграция» образует устойчивый тематический комплекс. Начиная с 1960-х гг., когда в немецкоязычной литературе появились первые «писатели-мигранты», тема одиночества в их текстах зазвучала с новой силой – поскольку одиночество коррелирует как с утратой родины и корней, так и со сниженной способностью к ориентации в социуме. В таких текстах сильна автобиографическая составляющая и присутствует тройное восприятие одиночества: одиночество вследствие реально имевшего место расставания с привычным географическим, культурным и социальным пространством; одиночество в связи со сменой языка; одиночество в отношениях с самим собой [Šediková Čuhová, 2016, S. 44].

В контексте одиночества особое место занимает проблематика языка как средства коммуникации, способного помочь справиться с ним. Названный ракурс отражен в творчестве многих писателей «не-немецкого происхождения»: лауреата Нобелевской премии по литературе (2009) Г. Мюллер (р. 1953), И. Ракузы (р. 1946), Д. Раджич (р. 1959), И. Бреж-

нас (р. 1950), Т. Мора (р. 1971). В романе «Все дни» Т. Мора и «Неблагодарность приезжих» И. Брежнас проблематика одиночества также высвечивается в контексте «многоязычия» протагониста-переводчика. Не случайно и Маша Коган – персонаж, соединивший в себе тематические комплексы «травмы», «миграции» и «одиночества» – выбрала для себя профессию переводчика: вероятно, так выразилось ее стремление компенсировать «коммуникативную недостаточность», остро ощущавшуюся на протяжении нескольких лет после смены языковой среды [Šedíková Čuhová, 2016].

В «голосе автора», помимо машинного, соединились несколько персонажей-мигрантов, дающих примеры как успешной интеграции в немецкую культуру (Сем, Зами), так и неудавшейся (машин отец). Сем, машин друг и коллега, – гомосексуалист турецкого происхождения, выросший во Франкфурте двуязычным, учится вместе с Машей на переводчика и говорит по-турецки лучше, чем его родители-турки. Ее бывший бойфренд Зами, ливанец по происхождению, провел детство в Париже и во Франкфурте. В начале романа он аспирант-германист в американском университете, однако в продлении визы на следующий учебный год ему отказано – из-за звучащей по-арабски фамилии. Через названные сюжетные линии роман О. Грязновой комплексно отражает германский социально-политический дискурс об иммигрантах и меньшинствах: ее интеллектуально продвинутые и хорошо образованные персонажи осознают существующие в нем стереотипы, связанные с национальностью или полом, и бросают им вызов [Biendarra, 2015, p. 221].

О. Грязнова не только уходит от бинарного противопоставления «немецкого мейнстрима» какой-либо иной культуре – в том смысле, в каком это характерно для книг других представителей «русского сектора» немецкой транснациональной литературы (напр., В. Каминера, Л. Горелик, А. Бронски), – она вообще сводит к минимуму присутствие «образа немецкого мейнстрима» [Biendarra, 2015, p. 219]. Помимо Элиаса (возлюбленного Маши), в роман введены лишь несколько персонажей-немцев, которые показаны, в основном, негативно.

Таковы преподаватель переводческого мастерства, профессор Виндмюле, для которого мультикультурализм означает лишь «*меньше хиджабов и больше тела*» [Grjasnowa, 2012, S. 33], или Даниэль – студент-сокурсник, помешанный на иудаизме и видящий в Маше свою персональную «плюшевую еврейку» («*Teddyjudin*»: [Ibid., S. 64]). И хотя в тексте нет четкого указания на то, что родители Эллиаса, восточные немцы из Тюрингии, дистанцируются от Маши именно потому, что она не является этнической немкой, растущая дистанция с ними не раз становится предметом изображения, что укрепляет такое предположение.

Для описания немцев, в отличие от «других» (представителей меньшинств), в романе используются стереотипы (врач не может произнести машино «трудное» имя; мелкобуржуазные родители Эллиаса коллекционируют настенные часы, не понимая, зачем; включенный телевизор показывает «Tatort» / «Место преступления» – невероятно

популярный в Германии телесериал). Когда Сем и Маша попадают в мелкое ДТП с участием этнического немца, незначительный инцидент мгновенно переходит в русло «расистской стычки». Сема обзывают «чуркой» («*Kanake*» [Grjasnowa, 2012, S. 155 – 156]) и «понаехавшим» без регистрации. В ответ он проявляет готовность апеллировать к закону: «*Я просто подам в суд... Мне нужен адвокат, а не культурная теория*» [Ibid., с. 158].

Отсутствие в тексте позитивно изображенных характеров из «немецкого мейнстрима» (за исключением любимого умершего Эллиаса, впрочем, тоже «восточного» немца), свидетельствует об отчаянии, в котором перманентно пребывает Маша – под давлением постоянного ощущения отверженности, недоверия, дискриминации (не только со стороны этнических немцев, но и со стороны других иммигрантов). Ни паспорт с гражданством Германии, ни то, что сама она, по всем стандартам, являет пример успешной интеграции в общество, никак ей не помогают. И в том, что толерантность Маши распространяется на всех, кроме этнических немцев, можно увидеть реакцию «*на ее собственную маргинализацию с их стороны*» [Biendarra, 2015, p. 219].

Фактический пласт романа Ольги Грязновой хорошо согласуется с результатами недавних социологических исследований о реальной жизни иммигрантских сообществ в Германии [Röhmild, 2003, p. 63] согласно которым иммигранты в целом демонстрируют высокий уровень культурной интеграции. И несмотря на это, их социальные связи почти не выходят за границы соответствующих сообществ, а коммуникация с этническими немцами не играет в них почти никакой роли.

Как и ее родители, Маша не чувствует себя в Германии дома, но ее воспоминания о Баку свободны от ностальгии. «Родина» для Маши ассоциируется с «*погромами*» [Grjasnowa, 2012, S. 203], и только личные отношения создают чувство принадлежности и сопричастности – такую роль прежде играли отношения с Элиасом и с матерью, теперь – после смерти Эллиаса, актуализации детской травмы, которая отдалила ее от матери, и отъезда Зами в США, – связь Маши с Германией фактически разрывается, и «транснациональное пространство», в котором она жила прежде, разрушается [Biendarra, 2015, p. 221].

Еврейка без религии, азербайджанка без связи с соответствующей культурой и регионом, гражданка Германии без всякой связи с культурой, она – носитель «постнациональной идентичности», изменчивой по сути и носящей отчасти вынужденный характер. Сложностей интеграции для Маши не существует – она с легкостью справляется со всеми проблемами адаптации (политического, лингвистического и психологического характера) к повседневной жизни в совершенно новом для нее Израиле.

Именно в Израиле, на оккупированных территориях, куда ее приводит увлечение арабским языком, палестинский фотограф Измаэль задает Маше вопрос – кто же она все-таки: немка, арабка, еврейка или русская – ведь выглядит она, ведет себя и разговаривает совсем не так,

как они все. Маша отвечает встречным вопросом: а как вообще выглядят русские? И получает в ответ косвенную отсылку к Чехову – стереотип, вынесенный в заглавие романа: «*Как люди, которые любят березы*» [Grjasnowa, 2012, S. 265].

Таким образом, подчеркивает А. Бьендарра, сложный персонаж Маши Коган олицетворяет культурное инобытие, которое сопротивляется вовлечению в систему дихотомий, реализуя непростую и в некотором смысле вынужденную культурную стратегию космополитизма. Демонстрирует принятие гибридной, комплексной и условной самоидентификации, способность находить общий язык с любыми ее вариантами, что подразумевает способность к постоянному, свободному и открытому контакту со всевозможными конструкциями культурной самоидентификации.

Космополитизм персонажей романа коррелирует с представлениями Ульриха Бека о «новом космополитическом мировом порядке» [Beck, 2006], основанном на признании различий, дистанции и чужестранности при параллельном стимулировании ориентации сфер ментальности и воображения на «космополитический взгляд». «*Диалогическое воображение*» У. Бека [Beck, 2002, p. 20] предполагает позволение столкновения культур внутри собственной жизни индивидуума и активное принятие им существующих различий с Другим, понимаемым как «*отличный*», но «*принципиально равный*» [Ibid., p. 17 – 44]. Этот «новый космополитизм» осуществляет замещение логики «или/или» логикой «и *то*, и *это*», воплощаемое персонажем Маши Коган [Biendarra, 2015, p. 223].

Подобное жизнеощущение («и *то*, и *это*») Р. Гёрнер [Görner, 2001], например, связывает с «порогом» как «*экстерриториальным пространством*» вокруг собственно «границы» – в противовес переходу как действию по ее пересечению [Рымарь, 2016, с. 210 – 212]. И если жизнеощущение «исключения» («или/или»), безальтернативного выбора между «своим» и «чужим», связано исключительно с моментом самого перехода, то «порог» предполагает скорее ориентацию на «расширение сознания» – способность ощущать относительность всякого утверждения [Görner, 2001, S. 132]: именно «на пороге» достигается «*особое переживание “здесь и сейчас”*», соответствующее «*бодрствующему сознанию субъекта*» [Рымарь, 2016, с. 212].

Литература

- Рымарь Н.Т. Поэтика границы в литературе: Эстетические и поэтологические аспекты границы как феномена художественного языка. Siedlce, 2016. 334 с.
- Beck U. The cosmopolitan vision. Cambridge, 2006. 201 p.
- Beck U. The cosmopolitan society and its enemies // Theory, culture and society, London. 2002. Vol. 19, no. 1-2, pp. 17 – 44.
- Biendarra A.S. Cultural dichotomies and lived transnationalism in recent russian-german narratives // Transnationalism in contemporary German-language literature. Rochester; N. Y., 2015. P. 209–227.
- Bronsky A. Scherbenpark. Köln, 2008. 288 S.

Eberhard E. *Einsamkeit. Psychologische Konzepte, Forschungsbefunde und Treatmentansätze.* Marburg, 1991, 364 S.

Gerstenberger K. «On the plane to Bishkek or in the airport of Tashkent»: Transnationalism and notions of home in recent German literature // *Transnationalism in contemporary German-language literature.* Rochester; N. Y., 2015. P. 89–105.

Gorelik L. *Meine weissen Nächte.* München, 2004, 273 S.

Görner R. *Grenzen, Schwellen, Übergänge. Zur Poetik des Transitorischen.* Göttingen, 2001, 160 S.

Grjasnowa O. *Der Russe ist einer, der Birken liebt.* München, 2012, 285 S.

Jay P. *Global matters: The transnational turn in literary studies.* Ithaca; N. Y., 2010, 248 p.

Kämmerlings R. *Das kurze Glück der Gegenwart. Deutschsprachige Literatur seit '89.* Stuttgart, 2011. 208 S.

Röhmild R. *Confronting the logic of the nation state: Transnational migration and cultural globalization in Germany // Ethnologia Europea.* Copenhagen, 2003. Vol. 33, no. 1, pp. 61–72.

Šedíková Čuhová P. *Einsamkeit bei DolmetscherInnen/ÜbersetzerInnen. Figuren bei AutorInnen mit Migrationserfahrung am Beispiel des Romans «Der Russe ist einer, der Birken liebt» von Olga Grjasnowa // Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik (LiLi).* Siegen, 2016, Jg. 46., H.1, S. 37–53.

Taberner S. *Transnationalism in contemporary German-language fiction by nonminority writers // Seminar: A journal of Germanic studies.* Toronto, 2011. Vol. 47, no. 5, pp. 624–645.

Taberner S. *Transnationalism and cosmopolitanism: Literary world-building in the twenty-first century // Transnationalism in contemporary German-language literature.* Rochester; N. Y., 2015. P. 43–64.

Transnationalism in contemporary German-language literature. Rochester; N. Y., 2015, 292 p.

Venkat Mani B. *Cosmopolitical claims: Türkisch-German literatures from Nadolny to Pamuk.* Iowa City, 2007. 262 p.

Vertovec S. *Transnationalism.* London; N. Y., 2009, x, 205 p.

References

Rymar N.T. *Poetika granitsy v literature: esteticheskiye i poetologicheskiye aspekty granitsy kak fenomena khudozhestvennogo yazyka,* Siedlce, 2016, 334 p. (In Russian).

Beck U. *The cosmopolitan vision,* Cambridge, 2006, 201 p.

Beck U. *The cosmopolitan society and its enemies. Theory, culture and society,* London, 2002, vol. 19, no. 1-2, pp. 17-44.

Biendarra A.S. *Cultural dichotomies and lived transnationalism in recent russiasn-german narratives. Transnationalism in contemporary German-language literature.* Rochester; N. Y., 2015, pp. 209-227.

Bronsky A. *Scherbenpark.* Köln, 2008, 288 p.

Eberhard E. *Einsamkeit. Psychologische Konzepte, Forschungsbefunde und Treatmentansätze.* Marburg, 1991, 364 p.

Gerstenberger K. «On the plane to Bishkek or in the airport of Tashkent»: Transnationalism and notions of home in recent German literature. *Transnationalism in contemporary German-language literature,* Rochester; N. Y., 2015, pp. 89-105.

- Gorelik L. *Meine weissen Nächte*, München, 2004, 273 p.
- Görner R. *Grenzen, Schwellen, Übergänge. Zur Poetik des Transitorischen*, Göttingen, 2001, 160 p.
- Grjasnowa O. *Der Russe ist einer, der Birken liebt*. München, 2012, 285 p.
- Jay P. *Global matters: The transnational turn in literary studies*. Ithaca; N. Y., 2010, 248 p.
- Kämmerlings R. *Das kurze Glück der Gegenwart. Deutschsprachige Literatur seit '89*, Stuttgart, 2011, 208 p.
- Röhmild R. Confronting the logic of the nation state: Transnational migration and cultural globalization in Germany. *Ethnologia Europea*, Copenhagen, 2003, vol. 33, no. 1, pp. 61-72.
- Šedíková Čuhová P. Einsamkeit bei DolmetscherInnen/ÜbersetzerInnen. Figuren bei AutorInnen mit Migrationserfahrung am Beispiel des Romans «Der Russe ist einer, der Birken liebt» von Olga Grjasnowa. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik (LiLi)*, Siegen, 2016, Jg. 46., h.1, pp. 37-53.
- Taberner S. Transnationalism in contemporary German-language fiction by nonminority writers. *Seminar: A journal of Germanic studies*, Toronto, 2011, vol. 47, no. 5, pp. 624-645.
- Taberner S. Transnationalism and cosmopolitanism: Literary world-building in the twenty-first century. *Transnationalism in contemporary German-language literature*, Rochester; N. Y., 2015. pp. 43–64.
- Transnationalism in contemporary German-language literature*, Rochester; N. Y., 2015, 292 p.
- Venkat Mani B. *Cosmopolitical claims: Türkisch-German literatures from Nadolny to Pamuk*, Iowa City, 2007, 262 p.
- Vertovec S. *Transnationalism*. London; N. Y., 2009, x, 205 p.

Elizaveta V. Sokolova (Moscow, Russian Federation)

From the Paradigm of «either/or» Exclusion to the Paradigm of Consciousness Expansion «both/and»: «Russians are those who Love Birch Trees» by Olga Gryaznova

The important trend to the new paradigm of self-perception by literary characters in the global world of today as reflected in the modern German transnational literature is demonstrated by an example of the novel *Russians are those who love birch tress* (Der Russe ist einer der Birken liebt, 2012) by Olga Gryaznova, the young German author with Soviet background. The paradigm based on «exclusion» (either...or...) in national and cultural self-identification of literary characters that dominated in transnational German literature till now, seems to be alternated here by the new one, based on «inclusion» (both... and...).

Key words: *contemporary German literature, transnationalism in German literature, migrant-literature, Russian characters in modern German literature, Olga Gryaznova.*

Elizaveta V. Sokolova – candidate of philology, senior researcher. Institute of Scientific Information of Social Sciences of Russian Academy of Science. Phone: +7-903-625-81-35; e-mail: lizak2000@mail.ru